ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Литературная автономия Д. Н. Мамина-Сибиряка в системе «толстых» журналов 1880-1890-х годов

Гайдышев А. Г.

Аннотация. Цель исследования – объяснить противоречие между профессиональной востребованностью Д. Н. Мамина-Сибиряка в русских «толстых» журналах 1880-1890-х годов и непоследовательностью его критического признания. На материале воспоминаний, дневниковых записей и литературно-критических выступлений рассматриваются отношения писателя с редакционными кругами, прежде всего с «Русским богатством» и Н. К. Михайловским. Научная новизна работы заключается в интерпретации литературной автономии Мамина-Сибиряка как фактора расхождения между журнальным сотрудничеством и репутационной поддержкой. Сопоставление частных оценок, публичных откликов и свидетельств о редакционной практике позволяет разграничить признание профессиональной надёжности автора и включение его творчества в идейную программу журнала. В результате показано, что близость к народнической среде и личные связи с её представителями не устраняли самостоятельности художественной позиции писателя. Эта самостоятельность рассматривается как одна из причин избирательности критического внимания к его прозе. Выводы уточняют характер взаимодействия авторской свободы и журнальных механизмов формирования литературной репутации.

EN

D. N. Mamin-Sibiryak's literary autonomy within the system of Russian "thick" journals in the 1880s and 1890s

A. G. Gaidyshev

Abstract. The study aims to explain the discrepancy between the strong demand for D. N. Mamin-Sibiryak's work among Russian "thick" literary journals in the 1880s and 1890s and the inconsistency of his critical recognition. Drawing on memoirs, diary entries, and literary-critical writings, the article examines the writer's relations with editorial circles, particularly "Russkoe bogatstvo" and N. K. Mikhailovsky. The scientific novelty lies in interpreting Mamin-Sibiryak's literary autonomy as a factor behind the divergence between editorial collaboration and reputational support. By comparing private assessments, public responses, and accounts of editorial practice, the study distinguishes recognition of the author's professional reliability from the inclusion of his work in a journal's ideological program. The findings show that his proximity to the Populist milieu and personal connections with its representatives did not diminish the independence of his artistic position. This independence is considered one of the reasons for the selective critical attention his prose received. The conclusions clarify the relationship between authorial freedom and the role of literary journals in shaping an author's reputation.

Введение

Писательская судьба Д. Н. Мамина-Сибиряка оказалась тесно вплетена в ткань журнально-газетной жизни России последних трех десятилетий XIX века. Еще в самом начале литературного пути он сблизился со столичным Обществом репортеров, готовил отчеты о заседаниях научных обществ и иных событиях из жизни науки. Репортерская работа, по собственному признанию писателя, дала ему знание жизни и людей. Вместе с тем она приучала к скорости, поиску острого факта, умению писать набело. Позднее эти качества сделали Мамина-Сибиряка надежным журнальным сотрудником, способным в короткий срок заполнить внезапно возникшую редакционную пустоту.

С начала 1880-х годов Мамин-Сибиряк вступает в полосу регулярного сотрудничества с «толстыми» литературными журналами. «Дело», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир Божий» не просто печатали его произведения. Они предлагали разные способы включения писателя в литературный

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260493

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

процесс, разные круги единомышленников и разные правила чтения его прозы. Предмет настоящей статьи – противоречие между журнальной востребованностью Мамина-Сибиряка и его устойчивым нежеланием принять готовую идеологическую платформу. Это противоречие позволяет объяснить не недостаток внимания критики вообще, а избирательность и непоследовательность критического признания.

В недавнем исследовании А. В. Геворкян и М. В. Строганов (2025a) подробно рассмотрели отношения Мамина-Сибиряка с «Русским богатством» и показали, что сводить их только к идейному разногласию недостаточно: в них действовали личные привязанности, взаимные ожидания и нормы литературного поведения. Предлагаемый ракурс этих отношений шире. «Русское богатство» рассматривается как наиболее отчетливый случай общего механизма: «толстый» журнал охотно использовал сильного автора, но устойчивое место в созданной им иерархии получал тот, чье творчество поддавалось редакционному истолкованию.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью различать формы участия писателя в журнальной жизни: публикационную востребованность, личную близость к редакционному кругу и публичное критическое признание. Их несовпадение в литературной судьбе Мамина-Сибиряка позволяет уточнить представление о влиянии журнальных объединений на репутацию автора.

Для достижения цели исследования решаются следующие задачи: охарактеризовать роль «толстого» журнала в формировании читательских оценок; сопоставить профессиональную востребованность Мамина-Сибиряка с его отношением к редакционным программам; рассмотреть расхождение частных и публичных оценок его творчества; определить значение перехода к сотрудничеству с «Миром Божьим» для литературного самоопределения автора.

Материалы исследования составляют дневниковые записи Ф. Ф. Фидлера (2008), критический очерк Е. В. Аничкова (1905) и выступления Н. К. Михайловского (1989; 1900).

В работе используются следующие методы. Сравнительно-исторический метод применяется для рассмотрения сотрудничества Мамина-Сибиряка с журналами в контексте редакционных программ и литературной жизни 1880-1890-х годов. Данный метод позволяет сопоставить частные оценки писателя с опубликованными критическими откликами, а также его положение в «Русском богатстве» и «Мире Божьем». Источниковедческий анализ мемуарных и дневниковых свидетельств служит разграничению зафиксированных высказываний, оценок современников и исследовательских интерпретаций; при этом учитываются время записи, личная позиция свидетеля и ретроспективный характер воспоминаний.

Теоретическую базу исследования образуют работы по исторической социологии литературы, истории критики и современному «маминоведению». А. И. Рейтблат (2009) рассматривает литературу в связи с читательскими ожиданиями и условиями её распространения. Этот подход позволяет анализировать «толстый» журнал как посредника между писателем и публикой. Исследование Б. Ф. Егорова (1980), посвящённое жанрам, композиции и стилю критики, даёт основание учитывать, каким образом критическое высказывание организует восприятие художественного текста.

Институциональный аспект проблемы раскрывается в исследованиях журнальных отношений. М. А. Фролов (2021) вводит документы о литературных, личных и финансовых связях внутри редакции «Русского богатства»; его работа позволяет учитывать материальную сторону сотрудничества наряду с идейной. А. В. Геворкян и М. В. Строганов (2025a) рассматривают отношения Мамина-Сибиряка с журналом через сочетание стремления к профессиональному признанию и несоответствия принятым нормам литературного поведения. В их исследовании истории взаимоотношений Е. Н. Чирикова с «Русским богатством» показана изменчивость оценок писательской «теоретичности» и «оригинальности» в ходе взаимодействия с редакцией (Геворкян, Строганов, 2025b). Эти работы служат основой для разграничения личной близости, профессионального сотрудничества и репутационной поддержки.

Источниковедческие ориентиры задают современные исследования наследия Мамина-Сибиряка. Е. Н. Ефремова и О. О. Шабатовский (2022) раскрывают значение библиотеки, читательских помет и переписки для изучения творческой биографии писателя. О. В. Зырянов (2022) связывает проблему восприятия его наследия с полнотой издания, атрибуцией и комментированием текстов. В. А. Шкерин (2024), сопоставляя записные книжки и исторические сведения о прототипах двух повестей – «Доброе старое время» и «Верный раб», – показывает, что документальная запись не всегда допускает прямое отождествление с художественным сюжетом. Для настоящей статьи существенна вытекающая из этих исследований необходимость различать документальное свидетельство и его интерпретацию.

Смежные исследования поэтики уточняют представление о художественной самостоятельности писателя. В. В. Абашев (2023) анализирует метафорический эпитет «готический» в уральских пейзажах Мамина-Сибиряка, его семантику и культурные предпосылки. О. В. Зырянов (2023) рассматривает «Последние огоньки» в контексте святочного нарратива и антиутопической проблематики. Эти подходы позволяют соотнести изучение журнальной репутации с анализом языковой образности и жанрового разнообразия прозы, не ограничивая её характеристику общественной тенденцией.

Литературная автономия понимается в настоящей работе как сохранение самостоятельности художественного суждения при профессиональной зависимости от журнальной системы. В отличие от общего обзора журнальных связей, исследование сосредоточено на расхождении трёх форм признания: редакционной востребованности, частной оценки таланта и публичного критического истолкования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов при подготовке учебных занятий по истории русской литературы и журналистики второй половины XIX века, а также при комментировании материалов о литературных связях Мамина-Сибиряка.

Обсуждение и результаты

Роль «толстого» журнала в формировании читательских оценок

Реформы 1860-х годов резко пробудили журнальную активность в стране. В Европе, где книга и газета играли самостоятельную роль, журнал не имел столь сильных позиций, как в России. Русский «толстый» журнал стал центром идейно-политического просвещения и воспитания, а литература на его страницах служила не только эстетическому переживанию, но и донесению до читателя определенных идей и настроений.

Интерес к чтению рос, росло и количество новых читателей. Появился читатель с общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах и научиться тому, чего он еще не знал. А. И. Рейтблат (2009, с. 21) отмечает, что от литературы большинство читателей ждало прежде всего публицистичности и дидактичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания. В условиях неразвитости легальной политической жизни на «толстые» журналы выпала функция генераторов и ретрансляторов общественного мнения. Их страницы содержали уже не только новинки художественной литературы. Журнал становился трибуной, с которой коллектив редакторов и авторов обращался к обществу от имени избранного направления.

Журналы пореформенной России воспроизводили кружковую структуру со своей идеологией, социальной иерархией и армией приверженцев-подписчиков по всей стране. Возрастала роль критика как главного идейного транслятора. Б. Ф. Егоров (1980, с. 3) справедливо напоминал, что русская публика часто сначала читала критические статьи и только потом принималась за художественные произведения. Критика не просто оценивала уже состоявшийся текст, но заранее формировала его место в журнальной системе координат.

Подписка означала заочное вступление читателя в социальную группу и принятие ее идейного направления. Особенно это было заметно в провинции, где журнал соединял подписчика со столичным кругом единомышленников, приносил ему новости, публицистику и литературные новинки в уже истолкованном виде. Поэтому редакционный отбор зависел не только от качества рукописи. Важно было, насколько автор понимает и принимает «правила игры». Писатель, не соответствовавший направлению и не обладавший крупным даром, был вынужден искать счастья в случайных изданиях. Большой талант расширял допустимые границы, но не отменял их.

Материальная организация редакции дополняет эту картину. Опубликованные М. А. Фроловым (2021) документы показывают, что отношения сотрудников «Русского богатства» включали финансовые обязательства и регламентацию редакционной работы. Поэтому близость писателя к журналу следует рассматривать одновременно в идейном, личном и профессиональном измерениях.

Профессиональная востребованность Мамина-Сибиряка и редакционные программы

Мамин-Сибиряк оказался для этой системы удобным и неудобным одновременно. Удобным, благодаря редкой работоспособности, репортерской выучке, обилию жизненного материала и способности быстро создать текст приемлемого, а часто высокого художественного качества. Неудобным – потому что его проза не укладывалась целиком ни в одну редакционную формулу. Народническая среда была ему близка сочувствием к человеку труда, вниманием к провинции, недоверием к хищнической силе капитала. Однако народник по духу и любви к народу, он органически не принимал идейной предзаданности.

С. Я. Елпатьевский (1912, с. 370), ближайший сотрудник «Русского богатства», точно определил это качество: Мамин-Сибиряк «никогда не руководился в своих писаниях так называемыми течениями в русской литературе, чужим влиянием и требованиями рынка», оставаясь судьей над самим собой. Здесь важно не романтизировать писательскую независимость. Мамин-Сибиряк зависел от гонораров, нуждался в журнальной площадке, переживал успехи литературных соперников и болезненно реагировал на молчание критиков. Но профессиональная зависимость не превращалась у него в готовность подчинить наблюдение заранее избранному выводу.

Е. В. Аничков (1905, с. 226-227) увидел внутреннее напряжение «маминской» прозы в соотношении художника-созерцателя и автора публицистической беллетристики. По его наблюдению, «Уральские рассказы» не забывают народного горя, но оно становится тенью для пестрых красок «типичной красоты», напротив, в больших формах под давлением журнальной среды усиливается преднамеренная тенденциозность. Эта оценка спорна, но она обнаруживает главное затруднение критики: Мамин-Сибиряк не отрицал общественной проблематики, однако отказывался свести к ней полноту изображенной жизни.

Отсюда и кажущаяся «атеоретичность», которую современники сближали с чеховской. В ней видели отсутствие платформы, хотя точнее было бы говорить об особом способе художественного знания. Мамин не начинал с тезиса, который затем иллюстрировал бы уральским материалом. Он начинал с материала – с труда, ландшафта, хозяйственного уклада, речи, человеческих характеров – и позволял ему сопротивляться теоретической схеме. Репортерская привычка к факту, которая могла вести к шаблонности, в зрелой прозе обернулась защитой наблюдения от идеологического упрощения.

Понятие «атеоретичности» при этом не следует отождествлять с отсутствием художественной рефлексии. Анализ лесной готики у В. В. Абашева (2023) выявляет культурную обусловленность пейзажного языка Мамина-Сибиряка. Для рассматриваемой проблемы это означает, что неподчинённость прозы готовой редакционной формуле совместима со сложной работой культурной памяти и художественного воображения.

Частные и публичные оценки творчества Мамина-Сибиряка

Особого внимания заслуживает молчание по адресу Мамина-Сибиряка главного критика народнического лагеря Н. К. Михайловского. Оно тем заметнее, что писатель и критик находились в тесных дружеских отношениях и искренне любили друг друга. Михайловский был крестным отцом дочери Мамина-Сибиряка и масштаб дара писателя понимал. Ф. Ф. Фидлер записал его слова: «Из всех русских писателей он более других наделен литературной естественностью: он сама непосредственность и наивность, он творит неосознанно, всегда и всюду! У него огромный и непосредственный талант, это не подлежит сомнению» (2008, с. 233).

Высокая частная оценка, однако, не превращалась в большую критическую статью. М. К. Иорданская вспоминала, как болезненно задевало Мамина-Сибиряка то, что Михайловский лишь вскользь упоминал о нем в обозрениях. По словам А. А. Давыдовой, критик ценил рассказы выше романов и не хотел огорчать автора отрицательным разбором. Иорданская объясняла молчание иначе: к романам Мамина-Сибиряка нельзя было подогнать нужных народнических выводов. Обе версии важны, поскольку показывают две стороны одной трудности. Художественная «стихийность» вызывала восхищение, но не давала критику удобного основания для системного истолкования (Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях, 1962, с. 175).

Отношение Мамина к другу и куму было сложнее. В нем искренняя привязанность соседствовала с обидой и ревностью. 12 октября 1894 года Фидлер записал признание писателя: «Я очень люблю Михайловского, и он меня тоже любит, но у него я не чувствую себя как дома, – я ведь вращаюсь в среде, где думают иначе, а он – кружковщик и начисто игнорирует всех, кто не принадлежит к его кругу» (Фидлер, 2008, с. 140). Слово «кружковщик» здесь обозначает не бытовую замкнутость, а способ организации литературной ценности. Круг поддерживает тех, чье творчество может быть представлено как продолжение общей программы.

Михайловский последовательно продвигал и популяризировал «своих» – прежде всего Г. И. Успенского и В. Г. Короленко. Мамин к кругу примыкал, но не вливался в него. Современные исследователи сформулировали эту ситуацию предельно ясно: Михайловский умел опровергать идеологических противников и поддерживать единомышленников, но не знал, что делать с писателем, который не был противником и в то же время не имел общей с критиком платформы. Такой автор не укладывался в обычные представления. Его можно было назвать «стихийным талантом», но трудно было встроить в последовательный критический рассказ (Геворкян, Строганов, 2025а, с. 126).

При этом редакция охотно пользовалась профессиональной надежностью Мамина-Сибиряка. 6 октября 1898 года он говорил Фидлеру, что Михайловский оценил его лишь после перехода в «Мир Божий». Писатель вспоминал, как буквально спасал «Русское богатство»: когда цензура в последний момент снимала статью, Михайловский просил рассказ, и Мамин-Сибиряк создавал его за несколько дней. «Я – хорроооший работник!» – с характерной интонацией заключал он. В этой реплике слышны и гордость мастерством, и горечь. Текст был нужен журналу как безотказный материал, но автор ожидал в ответ не только гонорара и дружбы, а публичного критического признания (Фидлер, 2008, с. 233-234).

Сводить это противоречие к неблагодарности одного Михайловского было бы слишком просто. Он все же обращался к отдельным произведениям Мамина-Сибиряк. В 1898 году в статье о «Последних огоньках» критик серьезно обсуждал предложенную писателем картину будущего европейской цивилизации, а в 1900 году вновь вернулся к ней в связи с разговорами о «желтой опасности» (Михайловский, 1898, с. 132-162; 1900, с. 97-108).

Но эти отклики подтверждают общую закономерность: Михайловскому легче было говорить о тексте Мамина-Сибиряка там, где тот давал отчетливо формулируемую общественную проблему. Целостная же художественная система писателя оставалась без развернутой интерпретации.

Селективность критического отклика особенно существенна в случае «Последних огоньков». О. В. Зырянов (2023) рассматривает произведение как опыт художественной футурологии в контексте святочного нарратива, выделяя его антиутопическую направленность. Такой ракурс позволяет увидеть за обсуждавшейся Михайловским общественной проблемой самостоятельную жанровую задачу писателя. Следовательно, наличие критического отклика ещё не означает исчерпывающего истолкования художественного замысла.

Переход к «Миру Божьему» как форма литературного самоопределения

Переход Мамина-Сибиряка к регулярному сотрудничеству с «Миром Божьим» был не только сменой издательской площадки. Он стал способом проверить собственную литературную цену вне привычного круга. Журнал А. А. Давыдовой предоставил писателю пространство для крупных публикаций и тем самым изменил расстановку сил в его отношениях с «Русским богатством». По позднейшему признанию Мамина-Сибиряка, именно уход из прежнего окружения заставил его (прежний круг) оценить то, что прежде принималось как нечто само собой разумеющееся. Ощутима обида писателя на Н. К. Михайловского.

В этом смысле журнальная биография писателя обнаруживает действие репутационного механизма. Пока автор регулярно закрывает редакционные потребности, его работоспособность может заслонять исключительность

дара. Легкость письма ошибочно принимается за легковесность, скорость – за недостаток отделки, обилие материала – за отсутствие отбора. Сам Мамин-Сибиряк противопоставлял себя Чехову и Короленко: «Я просто рассказываю, воспроизвожу. У меня нигде нет отделки, и я не употребляю красивых слов». Это, конечно, полемическое самоописание. Но оно точно передает его верность непосредственному рассказу и недоверие к литературной демонстративности (Фидлер, 2008, с. 233-234).

Критическая судьба Мамин-Сибиряк показывает, как трудно было журналу признать автономного сотрудника своим. Если автор не соглашался быть идеологическим противником, против него нельзя было развернуть полемику. Если он не становился единомышленником, его нельзя было сделать знаменем направления. Оставалась промежуточная позиция – печатать, ценить, просить о помощи, дружить и вместе с тем откладывать большой разговор о его творчестве.

Сопоставление рассмотренных свидетельств позволяет разграничить присутствие писателя на страницах журнала и устойчивую поддержку его литературной репутации. Профессиональная надёжность Мамина-Сибиряка обеспечивала сотрудничество с редакциями, однако сама по себе не влекла за собой развёрнутого критического истолкования его творчества. Это различие существенно для понимания границ авторской автономии внутри журнальной системы.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, «толстый» журнал участвовал в формировании читательских оценок через отбор произведений и их критическое истолкование. Публикация текста обеспечивала автору доступ к аудитории, но не была равнозначна включению его в поддерживаемую редакцией литературную иерархию.

Во-вторых, профессиональная востребованность Мамина-Сибиряка сочеталась с самостоятельностью его художественного суждения. Работоспособность и надёжность делали его ценным сотрудником, однако близость к народнической среде не означала полного принятия редакционной программы. В этом смысле литературная автономия проявлялась внутри журнальной зависимости, а не вне её.

В-третьих, частное признание таланта Мамина-Сибиряка не получало столь же последовательного выражения в публичной критике. Сопоставление свидетельств о Михайловском и его отдельных выступлений позволяет говорить об избирательности критического внимания, а не о полном отсутствии откликов. Несовпадение художественной позиции автора с привычными редакционными способами истолкования рассматривается как одна из причин этого расхождения.

В-четвёртых, переход к регулярному сотрудничеству с «Миром Божьим» выступил формой литературного самоопределения. Он расширил возможности публикации и, по свидетельству самого писателя, повлиял на оценку его труда прежним редакционным кругом. Вместе с тем смена площадки сама по себе не устраняла различия между востребованностью текста и устойчивой поддержкой авторской репутации.

Перспективой дальнейшего исследования является сопоставление критических откликов на произведения Мамина-Сибиряка в разных журналах с его перепиской и историей публикаций. Такое сопоставление позволит проверить, насколько выявленное расхождение между сотрудничеством и репутационной поддержкой характерно для других редакционных кругов.

Материалы исследования | Research materials

1. Аничков Е. В. Мамин-Сибиряк: критический очерк // Мир Божий. 1905. № 10. https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/Istoriya_russkoj_literatury_XIX_v._Bibliograficheskij_ukazatel._1962.pdf
2. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников: общая ред. и вступ. статья к. филол. н. И. А. Дергачева. Свердловск: Книжное издательство, 1962.
3. Елпатьевский С. Я. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк: воспоминания // Русское богатство. 1912. № 11.
4. Михайловский Н. К. Литература и жизнь. Рождественская сказка г. Мамина. Будущность цивилизации. Вырождение и прогресс. Дарвинизм и ницшеанство // Русское богатство. 1898. № 2. Отд. 2. https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1898-no.-2
5. Михайловский Н. К. Литература и жизнь. Китайские дела. Предвидения г. Мамина и Лапуже. Повесть об антихристе г. Вл. Соловьева. «Будущность белой расы» г. Я. Новикова // Русское богатство. 1900. № 7. Отд. 2. https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo-1900-no.-7
6. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / вступ. ст., сост., пер. с нем., примеч., указатели и подбор ил. К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Источники | References

1. Абашев В. В. Лесная готика Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 1.
2. Геворкян А. В., Строганов М. В. Д. Н. Мамин и журнал «Русское богатство» (1891-1912) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025а. Т. 27. № 3. https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.3.044

3. Геворкян А. В., Строганов М. В. О «теоретичности» и «оригинальности»: Евгений Чириков и журнал «Русское богатство» // Литературный факт. 2025b. № 2 (36). https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-326-357
4. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики: жанры, композиция, стиль. Л.: Советский писатель, 1980.
5. Ефремова Е. Н., Шабатовский О. О. Творческая реализация Д. Н. Мамина-Сибиряка в его эпистолярном наследии и библиотеке // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.762
6. Зырянов О. В. Аутентичный Д. Н. Мамин-Сибиряк: принципы издания и рецепция творческого наследия писателя // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.761
7. Зырянов О. В. Футурологический аспект святочного нарратива Д. Н. Мамина-Сибиряка // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 1.
8. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
9. Фролов М. А. Литературная, общественно-политическая и материально-бытовая жизнь редакции журнала «Русское богатство» в 1896-1900 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 2.
10. Шкерин В. А. О прототипической основе повестей Д. Н. Мамина-Сибиряка «Доброе старое время» и «Верный раб» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. https://doi.org/10.17223/18137083/86/7

Информация об авторах | Author information

RU

Гайдышев Александр Григорьевич[1]
[1] Центр современной литературы и книги, г. Санкт-Петербург;
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

EN

Aleksandr Grigorevich Gaidyshev[1]
[1] Centre for Contemporary Literature and Culture, St. Petersburg;
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

[1] *s.giraf@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.09.2026; опубликовано online (published online): 30.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Д. Н. Мамин-Сибиряк; толстый журнал; литературная автономия; литературная репутация; Н. К. Михайловский; D. N. Mamin-Sibiryak; Russian “thick” journal; literary autonomy; literary reputation; N. K. Mikhailovsky.